

Владислав Аксенов
Москва

Трагический нарратив: к вопросу об особенностях самоубийств учащихся в период Первой мировой войны

Изучение феномена самоубийства стало одной из центральных тем практически с самого зарождения социальной психологии. На рубеже XIX – XX вв. появились исследования Э.Морселли, Т.Масарика и, наконец, фундаментальный труд Э.Дюркгейма, легший в основу суицидологических изысканий П.Сорокина¹. Вместе с тем, попытки статистических обобщений нередко разбивались о политическую ангажированность исследователей, стремившихся с помощью цифр доказать гибельность того или иного правительственного курса². Особенно громко разговоры о самоубийствах, якобы принявших характер массовой эпидемии, звучали на страницах периодических изданий в 1870 – 80-е гг., что связывалось с неблагоприятными последствиями «великих реформ»³. С началом Русско-японской войны и, особенно, революции 1905 г. тема временно потеряла актуальность, однако с 1906 г. вновь стала популярной. Многие представители либеральной общественности принялись использовать суицидальную статистику для доказательства несоответствия сословно-самодержавных пережитков новым вызовам времени. Главной проблемой подобных исследований было то, что данные брались из периодических изданий, являлись нерепрезентативными⁴.

¹ См: *Morselli H. Suicide: An Essay on Comparative Moral Statistics. NY. 1975; Masaryk T.G. Suicide and the Meaning of Civilization. Chicago, 1970; Durkheim E. Suicide. L., 1992; Сорокин П.А. Самоубийство как социальное явление. Рига. 1913.*

² См. критику статистики самоубийств начала XX в в России: *Мякинен И.Х. Как был написан очерк Сорокина о самоубийстве // Социологические исследования. 2003. №11. С. 123-131.*

³ См: *Paperno Irina. Suicide as a Cultural Institution in Dostoevsky's Russia. Cornell University Press, 1997.*

⁴ На основе данных периодики были написаны работы: *Жбанков Д. Современные самоубийства // Современный мир №3.1910; Григорьев Н. Самоубийства и покушения на самоубийства в Петербурге в 1911 г. // Русский врач. №6. 1913.*

Тем не менее, если разговоры о новой «эпидемии самоубийств» в 1911 – 1913 гг. и не соответствовали фактической ситуации, они очень тонко фиксировали ментальное состояние российского социума, зараженного то ли фобией, то ли флиией к самоубийствам. Кроме того, новыми героями хроник все чаще становилась молодежь. В феврале 1912 г. петербургская, а затем и московская пресса начала публикацию серии сенсационных сообщений о действующих в столицах клубах Лиги самоубийц⁵. Хотя информация уж больно походила на известные циклы рассказов Р.Л.Стивенсона «Клуб самоубийц» и «Алмаз Раджи», сведениями заинтересовалась полиция, которая провела собственное расследование, так, впрочем, ничем и не закончившееся⁶. Показательно также и то, что по дознаниям «свидетелей» Лига была образована в конце 1900 г., т.е. того года, когда издательство П.П.Сойкина выпустило шеститомное полное собрание сочинений автора приключений принца Флоризеля.

То, что не удавалось четко зафиксировать в социальной статистике, довольно ясно прослеживалось в российской семиосфере, именно в ней самоубийство или покушение на оное становилось чуть ли не актом самоидентификации российского студенчества. На семиотическом пространстве лежала декаденско-символическая печать эпохи модерна, поэтому тема смерти, в том числе и добровольного ухода из жизни, объединяла писателей совершенно разных направлений: М.Арцыбашева, Ф.Сологуба, Л.Андреева, В.Иванова, А.Куприна и др. Двум первым было суждено стать главными «певцами смерти», именно их общественность заподозрила в организации Лиги самоубийств, а написание романа Арцыбашева «У последней черты», посвященного самоубийству семерых человек, хронологически совпавшее с общественными дискуссиями вокруг «эпидемии самоубийств» в 1910-1912 гг., только укоренило общественное мнение в идее причастности литературы к данной социальной проблеме.

Очевидно, что связь семиотического и бытийного пространства многовариантна, характеризуется взаимовлиянием. Семиосфера реагировала на вызовы времени и революционное насилие, террор, охватившие российское общество и отраженные в литературе, театре, кинематографе, изобразительном искусстве, формировали новое мировоззрение, в котором уход из жизни мыслился как акт свободного волеизъявления. Как отметила М.Могильнер, «самоубийство превращалось в альтернативный выход для эстетствующих интеллектуалов из тупика безвременья»⁷. Однако значительная часть учащихся средних учебных заведений к этой субкультуре прямого отношения не имела, но была связана с ней опосредованно, через общие психофизиологические характеристики, предопределявшие романтическую

⁵ *Биржевые Ведомости*. Веч. вып. 1912. 6 февраля; *Вечернее время*. 1912. 10 февраля; *Голос Москвы*. 1912. 16 февраля; *Земщина*. 1912. 16 февраля.

⁶ *Могильнер М.* Мифология «подпольного человека». М., 1999. С.194 – 196.

⁷ Там же. С.196-197.

увлеченность, питавшуюся широко тиражируемыми беллетристичкой новомодными идеями декаданса.

Любопытно, что при расследовании причин самоубийств учащихся в анкетах часто указывалось, увлекался погибший беллетристичкой или нет. А учитывая, что кинематограф тиражировал идеи той же самой упаднической литературы, некоторые губернаторы издавали распоряжения, запрещающие посещение кинематографа детьми ввиду его «разлагающего влияния»⁸. И хотя проследить прямую причинно-следственную связь между кинематографическим суицидом и самоубийством отдельного гимназиста довольно сложно, случались самоубийства детей, потративших причитавшиеся для оплаты квартир деньги на кино и мороженое⁹.

Отдельные исследователи в самоубийствах учащихся видели недостатки педагогической системы. Вместе с тем, хотя самоубийства детей в возрасте до 20 лет и составляли до 42% от всех случаев, из них на самоубийства учащихся приходилось не более 10%¹⁰, что заставляет усматривать преобладание психолого-возрастных особенностей над социальным фактором. При этом самоубийства гимназистов, имевшие ряд общих признаков, вполне можно выделить в отдельную категорию.

Д.Жбанков, Н.Григорьев и другие, изучая самоубийства, группировали их по причинам совершения суицида. Однако в этом случае исследователь становился заложником всей системы расследования, участниками которой являлись члены педагогического совета школы, полиция, семья, врачи и духовенство. Учитывая, что церковь не прощала грех самоубийства и запрещала совершать православный обряд отпевания, но при этом делала исключения для тех, кто покончил с собой в состоянии психического расстройства, в делах расследования причин самоубийства нередко присутствовал негласный сговор полиции, педагогов, врачей и членов семьи покойного, стремившихся представить самоубийство временным умопомешательством.

В отличие от «сумасшествия» как причины суицида более оправданным фактором являлось переутомление от учебного процесса и связанный с ним «сбой» в обучении учащегося, выраженный в получении низкой текущей отметки, провале экзамена или недопущении до выпускных испытаний. Получение гимназического аттестата давало право поступления в высшее учебное заведение и открывало возможности для карьерного роста, позволяло преодолеть некоторые сословные ограничения, поэтому препятствия на данном пути мыслились молодежью как настоящая катастрофа. Однако при детальном изучении каждого дела становится ясно, что за подобным «сбоем» в процессе обучения стояли куда более болезненные для детской психики проблемы: насилие в семье, отсутствие

⁸ *Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.797. Оп.86. Д.221. Л.1-2.*

⁹ *РГИА. Ф.733. Оп.199. Д.328. Л.156.*

¹⁰ *Статистик. Самоубийство как социальное явление. СПб., 1913. С. 142–143.*

внимания со стороны родителей, обязанность выполнять непосильную работу по содержанию неполной семьи и т.д. В этом случае неудача в школе являлась не более чем катализатором принятия решения свести счеты с жизнью.

Основными сферам повседневного существования учащихся были «дом» и «школа», в меньшей степени «улица», с ее «взрослыми» соблазнами, самостоятельностью. Сфера «школы» строго организована, структурирована, предлагала учащимся очевидную последовательность действий в процессе их социализации. Вместе с тем, широкий круг общения, включавший не только сверстников, но и взрослых учителей, и имевшие место со стороны последних карательные санкции, делали эту сферу повседневности «чужой», в отличие от «дома», в котором можно было скрыться от внешних проблем в кругу близких членов семьи. Однако когда «дом» терял свои охранительные функции в силу семейных неурядиц, а «школа» более не предлагала ясной последовательности действий в случае угрозы исключения или даже оставления на второй год, ребенок искал альтернативные выходы, стремился к упорядочиванию-упрощению своего пространства повседневности, что нередко приводило к актам самоубийства.

В каждом отдельно взятом случае мы можем выделить несколько интенциональных пластов, которые, обретая общий вектор и вступая во взаимодействие, приводили субъекта к суициду: здесь и природная впечатлительность, эмоциональность ребенка (то, что нередко относили к психической неуравновешенности), семейные неурядицы и бытовые проблемы, не позволявшие «дому» стать той сферой повседневности, в которой можно скрыться от внешних проблем (ломка структур повседневности как фактор самоубийств учащихся), препятствия в системах социализации индивидов (угроза исключения из гимназии), психолого-возрастные особенности учащихся, заставлявшие, в частности, болезненно переживать неудачи на романтической почве и др. В этой связи Первая мировая война не стала в пространстве детской повседневности главным фактором суицида, хотя в целом способствовала повышению процента самоубийств в период мобилизации и первых боевых действий, приводя даже к случаям коллективного сведения счетов с жизнью подростков под воздействием тяжелых сцен проводов родственниками запасных на фронт¹¹. Скорее она подготовила ряд испытаний, которые при прочих условиях могли оказаться поводом к добровольному уходу из жизни.

В первую очередь в группу риска вошли дети беженцев и переселенцев. Изменившееся пространство повседневности, прибавившиеся семейные заботы старших братьев и сестер, разорванные связи с прежними друзьями и, как правило, сложный процесс адаптации в новом гимназическом коллективе неблагоприятно воздействовали на детскую психику¹². Если же беженцы

¹¹ РГИА. Ф.796. Оп.201. Д.82. Л.7-7(об).

¹² РГИА. Ф.733. Оп.199. Д.328. Л.106-106 (об).

оказывались нерусскими по национальности, то ксенофобия окружающих еще более подавляла несовершеннолетних. Уход отца на фронт и перераспределение семейных обязанностей характеризовали другую группу риска. Не менее разрушительно, чем ксенофобия, на психику учащихся воздействовала патриотическая истерия первых месяцев войны, приведшая, в частности, к распространенным случаям массового бегства детей на фронт. Так, 8 января 1915 г покончил с собой ученик VI класса Луганской гимназии Сергей Сахновский, 19 лет. По словам отца, трагедия произошла из-за того, что он не желал отпускать сына добровольцем в армию. При детальном расследовании выяснились и иные обстоятельства, например то, что Сергей рос без матери, в многодетной семье (6 несовершеннолетних детей), часто конфликтовал с отцом и в последнее время с ним не разговаривал, кроме того, плохо учился и имел замечания по поведению в кондуите¹³.

Нередко в годы войны на детских трагедиях пытались разжечь национальную ненависть. Трансформация псевдопатриотизма в ксенофобию проявилась в получившем общественный резонанс деле ученицы VII класса Мелитопольской женской гимназии Веры Ефимовой, совершившей самоубийство 3 марта 1915 г., в тот день, когда ее за списывание отчитала учительница немецкого языка¹⁴. Начальница мелитопольской женской гимназии в показаниях предположила, что истинные причины самоубийства семейные, так как известными стали ссоры отца с матерью, а также угрозы младшего брата покончить жизнь самоубийством, если эти ссоры не прекратятся. Однако местная, а затем и столичная пресса усмотрела в деле совсем иные мотивы: издевательства учительницы-немки Е.Фидлер над русской девочкой. Петроградское «Новое время» привело искаженный диалог учителя и ученицы и завершило его выводом: «Г-же Фидлер следовало бы действовать в рядах генерала Гинденбурга, а не занимать место в русской школе»¹⁵. В итоге травли, продолжавшейся несколько месяцев, учительница была уволена, освобожден от должности председатель педагогического совета гимназии, начальнице гимназии был объявлен строгий выговор.

28 октября 1915 г. в г. Бирюч Харьковского учебного округа покончила жизнь самоубийством ученица VII класса Бирюченской женской гимназии Мария Веретенникова. Узнав об этом, попечитель округа направил для выяснения всех обстоятельств дела окружного инспектора, действительного статского советника В.В.Шихова. Собрав материал, инспектор пришел к выводу, что отдельными, сухими констатациями фактов нельзя реконструировать произошедшую трагедию, которая, по его мнению, вытекала из особенностей повседневности провинциального городка. Шихов отметил в своем отчете: «Чтобы выяснить, насколько возможно, истинную причину самоубийства покойной, нужно раскрыть то душевное состояние, в

¹³ Там же. Л.53-55.

¹⁴ Там же. Л.293.

¹⁵ Там же. Л.297.

котором находилась Веретенникова в последние часы своей жизни, а для этого необходимо разобраться с обстановкой жизни Веретенниковой, ее воспитанием, характером и душевными свойствами и повлиявшими на нее событиями последних дней ее жизни»¹⁶. В результате инспектор написал рассказ, не лишенный известной художественности:

«Бирюч – один из маленьких захолустных городков Воронежской губернии. Хотя он и расположен близ железной дороги, всего 14 верст в сторону, но этот небольшой проселок по мягкому суглинку, среди волнистой степи, в осеннее и весеннее время становится почти непроходимым. Сам городок, расположенный на скате холмов и в ложбине, около полузаросшей тростником речки Сосенки, похож более на большое разбросанное село, с громадною, неровною, грязною бесконечной площадью около старинной церкви. Дома строились, вероятно, без всякого плана. Всякий соблюдал свои удобства. На не мощеных улицах грязь подходит к самим зданиям, так что пешеход должен прямо без разбора идти в липкую жидковатую грязь. Извозчиков не существует. Общественная жизнь развита слабо, все живут замкнуто. Для молодежи женского пола была открыта женская гимназия, в которой обучалось уже около 300 учениц, а для мужского населения образование ограничивалось высшим начальным училищем, преобразованным из уездного училища, учрежденного еще в 1848 г и помещающегося в старинном мрачном здании.

Таким образом, женское молодое поколение по своему образованию и своим запросам от жизни было несколько выше мужского, которое по большей части не оканчивало даже и высшего начального училища. В старшем классе высшего начального училища я застал человек 18-20 учащихяся.

В этом-то захолустном городке родилась и росла в богатой крестьянской семье единственная дочь Мария Веретенникова. Семья была невелика – сын да дочь. Девочка жила в полном довольстве, среди природы, на чистом воздухе. Отец хотя и любил свою дочь, но был занят своим делом вне дома и мало жил в семье, мать давала ребенку полную свободу, как это вообще делается в крестьянских семьях. Девочка с малолетства жила своей особой жизнью. Поступив в гимназию, Мария оказалась весьма способной. Ученье ей давалось легко. Она пользовалась расположением и начальства, и подруг. Вот, что о ней говорит классная надзирательница, под наблюдением которой Веретенникова находилась от 1-го до 7-го класса включительно: «По характеру она всегда была очень живым и веселым ребенком, никогда я не видала, чтобы она плакала; училась хорошо; вела себя отлично. В своих действиях она отличалась решительностью и смелостью, среди подруг она была добрым отзывчивым товарищем, психической неуравновешенности никогда не проявляла».

При таких условиях в Марии Веретенниковой выработался самостоятельный, независимый характер. Родители снабдили ее здоровьем, сильным организмом, жизнь среди природы на свободе дала возможность развиваться гармонически физическим силам так, что Мария по физическому развитию казалась старше своего возраста.

¹⁶ Там же. Л.7.

Несмотря на первобытную простоту и некоторую грубость нравов окружающей обстановки, в девушке появился более утонченный вкус и стремление к чему-то высшему, что и сблизило ее с ее другом детства Яценко, которого художественные наклонности проявились определенно и заставили бросить серенькую жизнь в Бирюче и поступить в Харьковскую художественную школу. Откуда явилась эта черта – было ли это обычное неудовлетворение умной живой девушки окружающей средой или увлечение художественной литературой, с которой она познакомилась в гимназии, но несомненно, что Веретенникова чувствовала потребность заглянуть за этот горизонт, который отделял Бирюч от остального мира. Об этом-то, вероятно, толковали они с Яценком не раз в ясный день, сидя на берегу реки Сосенки и любуясь капризно раскинувшимся по скату холма городком Бирючем, своеобразными изгибами речки Сосенки, далекой, до краев горизонта распространившейся степью и поверяли друг другу свои будущие планы.

Окружающее было уже слишком известно и однообразно, ум требовал простора, живое воображение рисовало завлекательные образы из другой лучшей жизни. Настала и ранняя девичья пора с ее неопределенными стремлениями, исканием идеала и сердцем и умом. В это-то время случилось событие, которое имело решающее влияние на судьбу этой пышно распустившейся и восприимчивой девушки, жившей в самой себе и решавшей все по-своему, без совета и руководства. Нежданно-негаданно то, к чему стремилась Веретенникова, явилось само собою, как бы по мановению волшебного жезла. Явился целый отряд военнопленных со своими офицерами во главе.

Офицер из Западной Европы. Это представитель той нации, которая завладев всеми науками, искусствами и воспользовавшись их силами, задумала покорить себе весь мир. Это люди высшей расы, их ездят смотреть далеко за моря, а они сами явились в Бирюч.

Воистину было что-то сказочное! Нужно было хоть посмотреть на них издали. Оказалось, что некоторые из них даже говорят, хотя и ломаным, но русским языком – понять их можно... Мало того, эти европейцы, эта высшая раса, не оставили без внимания и своих посетительниц – глупеньких провинциалок, с которыми устроили даже сношения довольно первобытным способом.

Какое действие произвело такое сближение на Веретенникову, какого рода идеал она нашла и в какую трагедию вылилась наивная первая любовь молодой девушки – все это может выясниться из подлинных документов, собственноручных писем одного австрийского офицера, назвавшего себя Ludf из перехваченного письма самой Веретенниковой.

Подробным разбором этого важного реального источника, который остался в наших руках, мы и займемся.

Вся переписка относится к середине романа, начавшегося гораздо ранее и при таких обстоятельствах, при которых возможны были личные свидания и разговоры, но какая-то неизвестная причина прекратила свободу сношений, так что пришлось перейти к переписке. Что это за причина – нет указаний. Известно только, что Веретенникова переехала в другую часть города, значительно отдаленную от дома, в котором помещались пленные офицеры.

Первое письмо дает очень немного. В нем идет деловой разговор о более удобном способе передачи писем, чтобы лицу передающему не пришлось безрезультатно приходить на условленное место. При этом автор письма сообщает, что несколько товарищей уехали в С. И выражает сожаление, что он и сам не уехал, но в то же время он утешает себя мыслью, что, может быть, и ему удастся сделать то же; но, впрочем, философски замечает он “будущее неизвестно”. В заключении L. просит Марианну, как он называет Веретенникову, сообщить ему ее полную фамилию. Посылается поцелуй.

Второе письмо имеет весьма важное значение для дела, давая нам возможность представить себе характер отношений между корреспондирующими лицами. Из письма видно, что Веретенникова узнала о каких-то амурных отношениях своего поклонника с девицей И. Это обстоятельство видимо очень задело за живое самолюбивую и увлекающуюся девушку, она почувствовала, что слишком доверчиво и далеко зашла в своем сближении с офицером и, видимо, в резкой форме выразившись о двойственности его чувств, захотела изменить свои отношения, подвергнув своего обожателя некоторого рода испытанию, а именно предложила ему предварительную дружбу вместо любви. При этом не оставила без упреков некоторые порывы молодого офицера во время прежних свиданий. Письмо, очевидно, было очень горячо. Молодая девушка поставив прямо вопрос, “а что у тебя было с И?” и не получив еще объяснений, при одном только допущении возможности каких-то сомнительных отношений с другой, уже забила тревогу.

Попавшийся в своих проделках L и не имевший возможности отречься, нисколько не теряется и пишет довольно пространное послание. Вместо оправдания он сам начинает обвинять. Он начинает с того, что принимает сделанное ему предложение, но не видит его цели. “Зачем же дружба должна быть только предварительной? Когда я, – говорит он, – вероятно, не буду иметь возможности глядеть в милые глубокие очи-звезды, поэтому тебе нечего бояться, что я огорчу тебя своими невольными порывами. При том же главная основа дружбы доверие, а ты не веришь в искренность моей любви”. Далее, он оскорбляется словами ее письма: “Там не песнь любви святой, где кровь бурлит и жаждет наслажденья”. Значит, его считают человеком чувственным, неспособным к возвышенному, но скоро будет ясно, как несправедливы эти обвинения. Его-ли упрекать в разрушении идеалов других, когда он сам увлекался ими до тех пор... Огорченный до глубины души автор не может писать – он ставит многоточие. Но ему вспоминается новая обида – его спрашивают, что было у тебя с И? После таких нареканий, после такого оскорбления, он не удивляется, что и тут на самый простой невинный случай смотрят, как на низость. “Дело было очень просто, – говорит он, – я видел, что И мной очень интересуется и так как она настойчиво просила, чтобы я ей написал письмо, я и послал ей письмо на память. Ну, веришь?”

После такой подготовки, после того, как бедная девушка была разбита на всех пунктах, считала себя виновной и готова была загладить свою вину – это наивно-глупое оправдание, сказанное с такой уверенностью и апломбом и потом еще сопровождаемое вопросом “Ну, веришь?” – должно было произвести должное действие. Бедной жертве оставалось только упрекнуть себя, как это она не могла понять такой простой вещи.

Чтобы долго не останавливаться и решительно покончить с этим делом автор воодушевляется и обращает свои мысли в другую сторону – с пафосом

изливает он свои чувства и сетования на дружбу: “О дружба – говорит он – ты страшная противница нашему счастью!.. Как трудно мне будет свыкаться с тобой!.. Как тяжело будет моему сердцу расставаться со старыми, милыми словами. Сердечно воссоздаю в душе твой поцелуй”.

Плохое знание русского языка было автору не в ущерб, а иногда даже на пользу, смотря по тому, кто читал письмо. Сжатые фразы неправильны, но иногда меткие самодельные слова давали широкий простор читателю толковать текст по своему желанию. Нужно признаться, что письмо написано артистически. Автор очень хорошо знал настроение и психологию влюбленной девушки и искусно сознательно играл на струнах ее души. Не трудно себе представить, что письмо, очевидно, произвело свое действие.

Успокоенная и счастливая Марианна, по-видимому, уже отказывается от своих неудачных проектов относительно перемены любви на дружбу. Она не удовлетворяется предложенной ей еженедельной корреспонденцией, – она претендует уже на два письма в неделю.

Г. L чувствует себя уже снова по-домашнему. Он на все благодушно согласен. “Если тебе мало одного письма, получишь два, – снисходительно пишет он, – но ты мне должна давать темы”.

17 октября L узнает, что Марианна простудилась, получила лихорадку и кашляет. Он получил уже и тему для письма: “Пиши все, что у тебя на сердце”. Тема благодарная и в его жанре. Он уже не ропщет на дружбу, а хочет так порадовать больную, что она должна забыть про свое нездоровье. Пишет он ей немного, но сильно. “Описать все, что у меня на сердце – это так много, так много, что не напишешь, но все это сливается в одно могучее всепоглощающее желание быть возле тебя, пишет вдохновенно L, охладить моей рукой твой пылающий, лихорадочный лоб, целовать твой ротик так долго и крепко и до тех пор, пока ты не взглянешь на меня твоими очами-звездами так радостно, так любовно, как это бывало прежде”.

Проговорив свою триаду и заставив лихорадочно настроенную девушку пережить воспоминание тех моментов, в которые он умел будить в ней женщину, искусный L как бы просыпается от своего увлечения, как бы чувствует себя виновным, что он забылся. “Но довольно о любви, дружба запрещает мне наслаждаться дорогими воспоминаниями”, – саркастически пишет он.

На другой день, т.е. 18 октября 1915 г к письму сделана приписка: “Меня очень обрадовало, когда я тебя увидел. Сегодня у нас был обыск, у меня нашли письмо, но не от тебя, старое, о котором я уже забыл”.

Этим оканчиваются письма г. Ludf, как он подписался на своей карточке. Более он не писал или письма его не получались до самой катастрофы. Вероятно, обыск дал такие результаты, что были предприняты серьезные меры для надзора за L. До 23 октября 1915 не было никаких вестей.

Как видно из переписки и последнего письма Веретенниковой, она была больна лихорадкой, но при своем хорошем крепком здоровье переносила ее легко и то сидела взаперти у себя дома, то выходила, не замечая повышенной температуры, и не обращая на нее внимания.

Получив такое письмо, убаюканная сладкими речами своего героя, в лихорадочном жару Веретенникова отдавалась воспоминаниям своих прежних переживаний, любовалась карточкой своего идеального героя, строила воздушные замки, жила в каком-то другом, сказочном мире. Но и в это

царство проникали тревога и сомнение. Приписка, сделанная к ее письму, ее тревожила – опять оказалось какое-то письмо! От кого это, если это не ее старое? Быстрой и решительной Веретенниковой не терпелось, нужно было узнать – и вот 23-го она пишет письмо, которое ясно свидетельствует о том лихорадочном состоянии, в котором находилась девушка: “Твое письмо, – пишет она, – правда, меня очень обрадовало. Карточку я зацеловала. Я уже совсем здорова, кашель только еще не прошел. Вчера я хотела с тобой говорить, но это мне не удалось, и я очень злилась. Напиши, пожалуйста, что за письмо у тебя нашли? Мое старое, или чье другое? Это очень интересно знать. Скоро будет зима, будешь ли ты кататься на коньках? Вот если бы к тому времени был мир, катались бы вместе, но это мечты и они останутся мечтами. По целым дням думаю о тебе и это доставляет мне лучшее удовольствие. Я никуда не хожу гулять и если бы ты знал, как на меня злятся мои знакомые. Недавно я над одним так подшутила, что он и теперь не опомнится (так ему и надо пусть не лезет со своей любовью), когда я ему сказала, что уже люблю, но, конечно, не сказала “кого”. Если бы он знал, что я люблю тебя, то он бы, пожалуй, взбесился и лопнул бы от зависти. Целую тебя крепко, крепко так, как целовала когда-то и может быть поцелую в будущем. Пиши почаще и побольше. Что делается с Солови? Почему ты поссорился с Форбеком? Почему не уходит теперь Вышеск? Пожалуйста, отвечай. Еще раз целую. Письмо сожги”.

Письмо это не дошло. 23-го оно попало в руки начальницы. Утром этого же числа начальница уже получила из управления воинского начальника письмо ученицы Вдовенко, найденное у австрийского офицера L. В 10-30 она отправилась в квартиру Вдовенки вместе с классной надзирательницей Александровской. Не застав Вдовенки, г. Сагатовская осталась ее ожидать, а Александровскую отправила в соседнюю квартиру. Узнав, что передача писем и вещей производится через сад в квартире Марковых, начальница с Александровской отправляется туда и там на самом месте передачи застает двух гимназисток и у одной из них отнимает письмо, которое, по сознанию гимназисток, принадлежит Веретенниковой. Только к 4-м часам все возвращаются в гимназию. Все это, как о конфискации письма, об обыске Вдовенки, об ее указании квартиры Марковых, конечно, не могло быть скрыто от Веретенниковой. Она узнала, что письмо, найденное у L принадлежит Вдовенке, а вероятно и ответ г. L. ей был также известен. Дело было для нее ясно – она обманута.

Удар был очень жесток и неожидан. Он так ошеломил молодую девушку, что она действовала сначала как-то меланхолически-лихорадочно, занятая неотступно одной подавляющей ее мыслью о несправедливой тяжелой обиде и желании, чтобы все поняли всю низость опутавшего ее обмана. Она спешит сознаться начальнице, что записку писала она, Веретенникова, что у нее есть и письма офицера и его фотографическая карточка. Наконец, сбегав за письмами, она отдает их и даже читает их сама и объясняет значение непонятных слов, так как письма написаны лицом, плохо знающим русский язык. Но начальницу потребовали на совет. Все расходятся, и Веретенникова прощается со своими двумя подругами и, выйдя из гимназии, остается одна сама с собой, среди полумрака туманного, неприветливого, холодного осеннего вечера с лихорадочно разгоряченной головой. Ужас ее положения представляется во всей полноте ее воспаленному воображению. За несколько

часов перед тем полная жизни, счастливая, гордая своим счастьем и чудными мечтами о будущем, никогда не знавшая горя, Веретенникова вдруг очутилась одна, несчастная, осмеянная, униженная, покинутая, чуждая всем. Чудный мир, с которым она сжилась, сроднилась, – исчез навсегда, прежнее уже не интересовало ее – она уже не жила в нем, она отстала от него и он ее не понимал. Она одна, кругом пусто. Куда идти, куда деться от этой давящей пустоты, от сосущей сердце тяжелой обиды, которой никто в мире не поймет. Что может принести ей завтрашний день? И вот этот ужас полного отчуждения от всего охватил бедную лихорадочно разгоряченную голову девушки и произвел в ней тот страшный таинственный переворот, когда инстинкт жизни исчезает, когда всем существом овладевает навязчивая идея освободиться от гнета жизни и когда внешние чувства не в силах бороться против новой могучей силы. Влекомая этой силой заходит Веретенникова к своей более близкой подруге, пишет свои несколько прощальных строк, но и здесь мелькает в ее сознании забота – поймут ли ее в этом мире, – и успокаивается она: “Меня поймет Тиша Яценко”. И эта последняя мысль влечет ее по знакомой дороге к знакомой речке Сосенке, на берегу которой она мечтала о лучшем мире.

Найденный на третий день труп утопленницы был перенесен в ближайшее жилье – дом Яценки»¹⁷.

Автор текста, как видим, рассмотрел трагедию в русле индивидуальной истории любви, снабдив персонажей чертами драматических героев: чистая, наивная главная героиня и ее возлюбленный – соблазнитель, играющий чувствами молодой девушки; а так же использовал композиционный прием, при котором история заканчивается там, где она начинается – на берегу реки Сосенки. Упоминание, что труп был перенесен в дом Яценки, добавляет сюжету гендерно-философский мотив нереализованности мечтаний провинциальных девочек-подростков, которым было сложнее реализовать себя в жизни, чем мальчикам-сверстникам.

Трудно говорить о том, насколько уместно при изучении обстоятельств самоубийств использовать подобный метод художественной интерпретации трагедии, однако очевидно, что душевные переживания, чувственный диссонанс играет важную роль в подростковом суициде. Показательно, что в подавляющем большинстве предсмертных записок суициденты никого не винят, причину постигшего их несчастья они усматривают в трагическом сочетании обстоятельств онтологического масштаба. Так и Мария Веретенникова в записке упоминает, что все равно когда умирать, теперь или потом, и просит своих родителей удочерить ее подругу-сироту, заменив, тем самым, ее место в семейном кругу: «Дорогие Папа и Мама. Я знаю, что это причинит Вам немало огорчений. Простите меня. Все равно умирать теперь или когда-нибудь. Всем девочкам привет. Саше (брат – В.А.) тоже привет и

¹⁷ Там же. Л.7-14.

поцелуй. Добро мое отдайте Вере Силич, и если можно возьмите ее вместо меня. Привет Тише Яценко. Он меня поймет. Прощайте»¹⁸.

Один из теоретических разработчиков «нарративной истории» французский философ Поль Рикер течение истории рассматривал с точки зрения типологии интриг, уделяя пристальное внимание чувственному (сенсительному) срезу событийного мира. Он писал: «Разве не пытаются историки так же внести ясность туда, где имеет место недоумение? И не там ли недоумение наиболее велико, где перемены судьбы наиболее неожиданны? Другая импликация влечет за собой еще большее ограничение: не следовало ли сохранить применительно к перелому отсылку к счастью и несчастью? Не толкует ли в конце концов всякая рассказанная история о превратностях судьбы, о ее движении к худшему или к лучшему?.. Вводя несогласие в согласие, интрига вводит эмоциональное в интеллигентное»¹⁹.

Особенность исследуемого нарратива заключается в том, что в нем произошло слияние двух уровней: диегетического (повествовательного) и миметического (подражательного)²⁰. Если в первом случае рассказчик (нарратор) присваивает себе интерпретацию феномена, то во втором – он играет функцию посредника между объектом и адресатом (читателем). В нашем случае снабжение отчета окружного инспектора В.В.Шихова материалами дела – любовная переписка, протоколы дознания, заявление родственников девушки – позволяет учитывать сенсительный и интеллигентный уровни восприятия материала. Любопытно, что первоначальная интерпретация трагедии, предпринятая местным приставом Курепиным, переносила акцент с романтической составляющей истории на педагогическую ошибку, допущенную начальницей гимназии Сагатовской, что представляется вполне ожидаемым, учитывая, что с точки зрения нарратологии протоколы дознания относятся к миметическому типу нарратива. В протоколе мы читаем:

«1915 года октября 25 дня пристав 2-го стана Брюченского уезда Курепин составил настоящий протокол о нижеследующим: сего числа ко мне в канцелярию явился крестьянин слоб. Землянщины, Засосенской волости Илья Захарович Веретенников, проживающий в г. Бирюч в собственном доме и заявил, что 23 октября с.г. около 5 часов вечера начальница Бирюченской женской гимназии для личных переговоров в гимназию вызвала его дочь ученицу VII класса Марфу Веретенникову. После переговоров с начальницей гимназии его дочь Марфа домой не явилась и в этот вечер неизвестно куда скрылась. Через расспросы учениц он выяснил, что некоторые ученицы, в том числе и его дочь Марфа Веретенникова, вели любовную переписку с военнопленным австрийским офицером, и когда об этой переписке узнала начальница гимназии, то сейчас же послала за его дочерью Марфой Веретенниковой и потребовала выдать все письма, которые она получила от военнопленных австрийских офицеров. Познакомившись с содержанием

¹⁸ Там же. Л. 6 (об).

¹⁹ Рикер П. Время и рассказ. Т.1. М.-СПб., 2000. С.56.

²⁰ Более подробно о типологии нарратива см.: Шмид В. Нарратология. М., 2003.

писем, начальница гимназии стала запугивать его дочь, что она уволит ее из гимназии по волчьему билету, здесь на эти слова его дочь заявила, что ее больше в гимназии она не увидит, и вышла из комнаты. Вследствие чего он просит произвести розыск его дочери и допросить начальницу гимназии»²¹.

Педагогический совет гимназии именно Сагатовскую обвинил в смерти девушки, однако инспектор Шихов с таким выводом не согласился. Вероятно, исследуя детские самоубийства, в которых роль иррационально-чувственного несоизмеримо выше, чем в самоубийствах взрослых людей, необходимо учитывать весь комплекс объективных и субъективных причин, выделяя психофизиологические возрастные особенности. Конечно, в этом случае, повышенная ответственность ложится на педагогический коллектив.

Тем не менее, Шихов был совершенно прав в том, что сам сюжет романтических отношений между девушками-крестьянками и пленными офицерами играл важную роль, был весьма распространенным в годы Первой мировой войны. Российская деревня, лишившаяся мужской рабочей силы, не справлялась с хозяйством, вследствие чего военные власти направляли пленных на полевые работы в помощь русским крестьянкам, в результате этого нередко завязывались романтические отношения. Как отмечает П.Щербинин, даже до фронта стали доходить слухи о том, что крестьянки изменяют своим солдатам-мужьям с пленными²². По крайней мере, случались перемены политической ориентации крестьянок на романтической почве²³. Так, 27 апреля 1915 г. 23-летняя мещанка г. Барнаула Анна Косачева, влюбившаяся в пленного австрийского офицера Костю, произнесла: «Надо застрелить нашего государя и всех союзных, тогда кончится война, и я с Костей поеду во Львов, где и будем подданными Франца Иосифа»²⁴.

Таким образом, рассмотренная история, помимо общих вневременно-романтических, психофизиологических причин, несет в себе и вполне временную характеристику, являясь следствием распространенных в годы Первой мировой войны отношений. Особенностью рассмотренного дела о самоубийстве Марии Веретенниковой является сочетание диететического и миметического нарративных уровней, позволяющих читателю составить более полное представление о случившейся в прошлом трагедии.

²¹ РГИА. Ф.733. Оп.199. Д.328. Л.24.

²² Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни российской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов, 2004. С.247.

²³ Более подробно о политических настроениях российских крестьян см.: Аксенов В.Б. Война и власть в массовом сознании крестьян в 1914 – 1917 гг.: архетипы, слухи, интерпретации// Российская история. №4. 2012. С.137-145.

²⁴ РГИА. Ф.1405. Оп.521. Д.476. Л.362.